

Ростовская Старина

Выпуск Ростовского отделения ВООПИиК
и музея-заповедника «Ростовский кремль», № 156

Выпуск подготовила Л.Ю. Мельник

«Видел я как во сне эту землю...» (Н.В. Гоголь)

Путешествия ростовцев в Святую Землю в XIX в.

• Анна Шелехова

Издревле к Святой Земле устремлялись паломники. Первое русское описание путешествия было составлено духовным лицом – игуменом Даниилом, совершившим в XII в. паломничество в Святую Землю. После этого Библейский Восток на протяжении последующих веков был центром притяжения русских паломников и путешественников, а паломничество стало характерной чертой русского благочестия.

Окно в Европу, открытое Петром I, предоставило возможность не только взглянуть на нее непредвзятым взглядом, но и совершать поездки лицам, не имеющим дипломатической миссии. Тем не менее, эти поездки облекались еще в привлекательные формы паломничества к Святым местам.

С течением времени получают все большее распространение путешествия с целью просвещения для осмотра произведений искусства. К середине XIX в. контингент туристов расширился за счет интеллигенции и студентов, располагавших определенным достатком. При этом основными целями путешествий являлись получение образо-

вания, интерес к достопримечательностям культуры, оздоровление, мода.

Представителям купечества путешествия также были не чужды в целях

оценки западному быту, иногда составляют познавательные путевые очерки, присылают открытые письма...

Свидетельств путешествий представ-

торговли, однако уже в конце XIX в. характер путешествий, предпринимаемых купцами, становится иным – они воспеваются величием итальянских соборов, дают критические

взгляды на архитектуру, архитектуру, архитектуру. Уникальны публикуемые в статье те редкие строки, дошедшие до нас, начертанные на Святой Земле под впечатле-

нием, производимым общехристианскими святынями.

Сохранилось трогательное послание Ольги Дмитриевны Мальгиной (около 1836-1920) ее сыну Григорию, присланное, вероятно, в 1900–1910 гг. из Иерусалима с рассказом о своих впечатлениях: «Как-то Ты себя чувствуешь, дорогой мой, милый Гришенька, как часто думаю о Тебе во время службы, в особенности когда бывает служба у св...», такое отрадное чувство является и так хочется его удержать навсегда. Служит всегда архиерей и два священника-грека с ним в красном облачении. В особенности хорошо было облачение на Патриархе... когда он служил... он и три архиерея были облачены в ярко-красные ризы, вышитые золотом, остальные все были в зеленом, не знаю почему это они так вырядились? По дороге на с...» «он на одном из горных маршрутов стоит церковь. Она во имя Марии Магдалины, очень хорошенья 5ти главы. На этой открытке ты ее увидишь» (фото 1).

Окончание -
в следующем выпуске.

Произведения Ф.Г. Солнцева в собрании Ростовского музея

• Татьяна Колбасова

В 2011 г. исполняется 210 лет со дня рождения Федора Григорьевича Солнцева

(1801-1892). Известный художник, академик исторической и портретной живописи, археолог, реставратор и иконописец родился 14 апреля 1801 г. в селе Верхненикульском

Мологского уезда Ярославской губернии, в семье крепостного крестьянина графа Мусина-Пушкина.

«Он прожил долгую жизнь – почти все

XIX столетие. На его глазах одна историческая эпоха сменялась другой, а художественная деятельность этого скромного труженика искусства оказывала сильнейшее воздействие на всю эпоху, на творчество целых поколений, утверждая «русский стиль», – пишет исследователь творчества художника Ирина Богатская.

Ныне произведения Ф.Г. Солнцева хранятся в крупнейших музеях страны. Ростовский музей обладает 30 работами художника. Это иконы, исполненные Солнцевым в 1884-1889 гг. для Успенской (фото 1) и Александровской (фото 2) церквей в селе Ваулове Романов-Борисоглебского уезда Ярославской губернии по заказу владельца имения сенатора В.П. Мордвинова, на средства которого в конце XIX в. в Вауловских церквях велись большие восстановительные работы.

Окончание -
в следующем выпуске.

Наследие мери в топонимах

Сара или Гда?

(Об историческом названии нижнего течения современной реки Сары)

• Алексей Каретников

По данным современной карты, река Сара вытекает из Сарского болота и впадает в озеро Неро. Протяженность Сары – около 80 километров. Однако в речи местного населения нижнее течение реки до сих пор называется Гда. Примечательно то, что один из правых притоков реки Сары носит сходное название Печегда. Длина Печегды – 16 километров.

Все три названия нельзя понять, исходя из славянских языков. Не вызывает сомнений, что они заимствованы от славянского населения – мери. Соотношение названий «Сара» и «Гда» можно установить, обратившись к средневековым документам. В писцовой книге Ростовского уезда 1629-1631 гг. после названий населенных пунктов перечислены реки, на которых они находились, либо к которым выходили их сельскохозяйственные угодья. Из суще-

ствующих ныне населенных пунктов «на реке на Саре» упоминаются следующие: д. Тарасово, д. Лазарево (Лазорево), д. Федорково, с. Филимоново (д. Филимонова),

с. Спас-Смердино (Спасское Смердино тож), д. Чепорово (Чопурово), с. Новотроицкое (Новое), д. Рухлево, д. Никитино-Троицкое (Микитино). «На реке на Где» находились

д. Зиновьево (пустошь Зиновьево), д. Теханово (Техново), д. Подлесное (Подлесное), д. Левина Гора, с. Деболовское (Дебалы), с. Скнятиново (Скнетиново), д. Ново (сельцо Новое).

Нанесение этих данных на карту показывает, что концом реки Сары и началом реки Гды было место слияния Сары и Печегды. То есть мери по каким-то причинам считала, что две реки, сливаясь, образовывали новую реку – Гду. Ее длина – 26 километров. Почему же тогда племенной центр мери – Сарское городище (уничтожено карьерными разработками в 1930 г.) – располагалось в нижнем течении современной Сары, на реке Где? Ответ на этот вопрос даёт первое упоминание городища, сделанное составителем ростовского летописного свода 1534 г. В летописи указано, что ростовский богатырь Александр Попович «съзывает их к себе в город, обрывает Гремичимь колодезь на реке Где, иже и ныне той сопь стоит пущь». Анализ упоминаний более позднего времени показывает, что название «Городец на Саре» появилось только в 19 веке и окончательно закрепилось за ним в 20 веке (в форме «Сарское городище»).

Мастера церковного искусства

Художники Тимофей Медведев и Алексей Всесвятский

• Александр Мельник

Тимофей Алексеев сын Медведев из села Тейкова Владимирской губернии (теперь – Ивановской области) являлся одним из самых известных и плодотворных провинциальных художников-монументалистов первой трети XIX века. Недаром в 1830 году он был награжден императором Николаем I серебряной медалью. Ныне имя ростовского художника-финифтяника Алексея Всесвятского также хорошо известно. До нас дошло немало его произведений. Оба этих мастера были современниками. Более того, как увидим ниже, они были знакомы и даже некоторым образом сотрудничали, о чем свидетельствует следующее.

В 1824–1825 годах Т.А. Медведев расписал ростовскую приходскую церковь Всех Святых фресковой живописью. Вскоре после 1826 г. был создан новый иконостас храма, иконы для которого выполнил тот же Медведев. В период проведения всех этих художественных работ настоятелем данной церкви являлся священник Алексей Игнатьев (1793–1831 гг.), фигурирующий в научной и популярной литературе о финифти как художник по эмали Алексей Всесвятский. Нельзя не предположить, что инициатива пригласить Т.А. Медведева для росписи Всехсвятской церкви принадлежала этому священнику. Ведь он как художник мог во всей полноте оценить талант мастера из Тейкова.

Постройка моста в Черемошниках

• Константин Степанов...

Законом от 1 января 1864 г. на земские учреждения была возложена забота о дорожном строительстве. Ростовское земство приняло свое ведение находящиеся в уезде дороги. Отсутствие денег не всегда позволяло земствам должным образом содержать их. Положение изменилось только в начале XX в., когда ростовские земцы приступили к работам и на проселочных дорогах уезда, где особое внимание отводилось мостам.

Одним из таких нуждавшихся в перестройке был ветхий мост в д. Черемошники (Черемошник) Шулецовской волости. Очередное Ростовское уездное земское собрание 29 сентября 1906 г. решило отложить ремонт моста через р. Сару у с. Первитино и перевело деньги на строительство этого моста. 18 марта 1907 г. состоялась торги, подряд на постройку получил Федор Алексеевич Москалев (родом из крестьян д. Карачуны Шулецовской вол. Ростовского у.). По условию от 27 марта 1907 г. между земской управой и Москалевым, тот обязался построить деревянный мост через ручей в Черемошниках за 500 руб.

Подрядчику следовало заготовить к 15 июня на свои средства 12 бревен для свай (6 – по 12 аршин в длину и 5 вершков в толщину, еще 6 – по 9 арш. на 5 верш.); 4 бревна для свай к откосам, 7 арш. на 5 верш.; 4 бревна для обухи, 7 арш. на 5 верш.; 9 бревен для переключков (3 бревна – 10 арш. на 5 верш., 6 – 8 арш. на 5 верш.); 2 бревна для брусьев, 7 арш. на 5 верш.; 24 вловых бревна для косоуров по 7 арш. на 4 верш. и столько же для откосов, 9 арш. на 4 верш.; 84 бревна для накатника по 7 арш. на 4 верш.; 15 бревен для перил и строек, 12 арш. на 4 верш., а также 5 брусьев, 9 арш. на 1,5 верш. Наряду с этим подрядчик должен был приобрести пуд кованых костьлей, 2,5 п. гвоздей «троецус» и 30 фунтов металлических скоб для перил.

Подрядчик обязан был разобрать старый мост и забить 16 свай на глубину не менее 5 арш. чугунной бабой при помощи копра. В условии

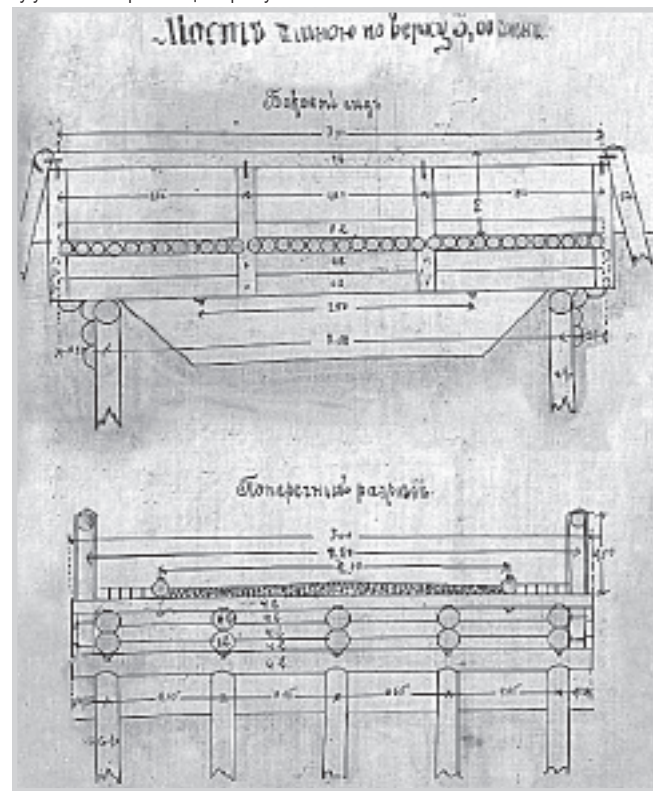
особо оговаривалось, чтобы на концы свай гвоздями прибавались железные «башмаки», а верх свай укреплялся железным кольцом, чтобы во время забивки свай легче углублялись в землю, а железные кольца защищали их от трещин и разломов во время ударов чугунной «бабой». На свай устанавливались и крепились остальные материалы. Для того, чтобы между косоурами моста и берегом не было проемов, их нужно было засыпать 10 куб. саж. земли.

На постройку моста отведен был период с 15 июня по 15 августа 1907 г. За это время мост и был построен, 18 августа Ф.А. Москалев написал в Ростовскую управу письмо с просьбой «принять мост в дер. Черемошниках... и учинить с мною расчет». Строительная комиссия земства в составе гласных Л.Я. Богданова, В.И. Иванова и члена управы И.А. Щелкина осмотрела новый мост в Черемошниках. Отмечено: косоуров недостаточно «наполнены землей, отчего, вследствие неминуемого сползания с берега земли, должны образоваться при выезде на мост ямы»; свай оказались неодинаковыми в объеме, а перила моста коротки. Комиссия предложила удлинить перила или «поставить тумбы от косоуров с трех сторон, протяжением не менее 3-х саж. с каждой стороны, во избежание раскатов и падения в овраг».

После устранения недостатков Ф.А. Москалев выставил 6 октября 1907 г. счет земской управе. Однако с учетом доработки общая стоимость затрат на постройку моста составила уже 594 руб. вместо 500 руб., предусмотренных договором.

Постройка этого моста давала возможность жителям д. Черемошники и близ лежащих селений благополучно добираться не только до волостного правления, приходского храма, уездного города, но и далее.

На фото: боковой вид и поперечный разрез типового деревянного моста длиной 3 сажени.

Торговые связи ростовского купечества

Наши в Томске

• **Елена Крестьянинова**
Окончание. Начало в "РС" № 155

Параллельно с винокуренным и вино-торговлей братья Королевы занимались и золотопромышленностью. Они разрабатывали прииски в Мариинском округе (Кельбес). В 1868 г. на своем прииске Всеволод добыл 2 пуда 15 ф. шлихового золота, а в 1869 г. – до трех пудов золота. Евграф тоже владел золотым прииском. В 1867 г. его 19 рабочих добыли 1 пуд 10 фунтов шлихового золота. Через 20 лет у него было 180 рабочих на трех приисках и добывалось 3 пуда 20 ф. золота, всего с 1967 по 1882 годы добыто им почти 98 пудов золота.

Ни одна крупная операция в торговле, промыслах или подядах не обходилась без взаимного купеческого кредита. Евграф кредитовал не без выгоды для себя – половину деньгами под очень высокие проценты (10–15%) и пополам товарами, подчас залежалыми, из своих лавок. Золотопромышленники получали от него вышедшие из моды предметы дамского туалета и другие дорогие и ненужные им вещи. «В его денежных тенетах находилось все томское купечество». За долги же томского купца 1 гильдии Е.П. Исаева в руки Евграфа перешло несколько больших домов в Томске, гостиница, пароход и др. имущество. А еще он занимался добычей соли на арендованных землях в Алтайском горном округе.

В 1870 г. в 59 верстах от Томска Евграф открыл стекольный завод, который выпускал оконное стекло и бутылки разных размеров. На 1900 г. стоимость произведенной продукции со-

ставляла более 60 тыс. руб. А общий оборот торговых заведений Е.И. Королева в Томске насчитывал 189 тыс. руб.

В 1886 году за долги Евграф получил два парохода устаревшей конструкции и не лучшего технического состояния – «Пермяк» и «Иртыш», которыми он перевозил переселенцев, что принесло ему один убыток в 19284 р. А всего у него было 5 пароходов. Однако ему удалось избавиться от своих убыточных пароходов – он их продал компании Западно-Сибирских пароходчиков-монополистов.

За всеми этими делами Евграф Ив. активно участвовал в общественной деятельности и городском самоуправлении Томска. Начиная с 1857 г., в течение ряда лет он являлся церковным старостой, депутатом по проверке торговли, директором общественного Сибирского банка, директором «попечительного о тюрьмах комитета», почетным блюстителем Владимирского приходского училища и почетным попечителем губернской гимназии, гласным городской думы, в 1871–1873 гг. – членом городской управы и «заступающим место городского головы» (заместителем), дважды – с 1876 по 1879 и с 1879 по 1890 годы служил городским головой.

В 1884 г. Е.И. Королеву было присвоено звание коммерции советника. Для этого требовалось состоять в гильдии купечества не менее 12 лет и иметь особые заслуги в торговле, промышленности и благотворительности. Крупнейшим томским предпринимателем, Евграф Иванович это звание вполне заслуживал: он был заметной, может быть, самой крупной фигурой среди томских купцов-благотворителей второй половины XIX века.

Е.И. Королев имел большие заслуги перед церковью. Он хотел единолично достроить Троицкий кафедральный собор. Запас кирпич, бревна, плахи. Но началась разногласия с думой, которая посчитала недостойным для Томска иметь собор с деревянным куполом, как то запланировал сделать Евграф. И тогда он продал все строительные материалы вместе с контрактами университетскому строительному комитету. Это было в 1850 г. Через полвека эти сведения трансформировались в следующую информацию: «Е.И. Королев хотел единолично достроить Троицкий собор и уже свозил кирпич, но ему это сделать не разрешили, и он построил из этого кирпича театр».

Е.И. Королев построил Преображенскую (Ярлыкскую) церковь, переустроил Никольский храм. Совместно со Всеволодом основал приют братьев Королевых (1874), богадельню (1890). На свои деньги открыл ремесленное училище имени Евграфа и Евпраксии Королевых (1883), театр (1885). Евграф финансировал экспедицию профессора С.И. Залесского с целью исследования целебных свойств Карачинского озера в Каинском уезде.

Е.И. Королев был удостоен пяти правительственных наград: аннинская солдатская медаль и бронзовая медаль «В память войны 1853–1856 годов» на андреевской ленте, орден св. Анны 3-й степени (1868), 1874 г. – орден Станислава 2-й степени (1874), 1882 г. – орден св. Владимира 3-й степени (1882).

Предпринимательская деятельность принесла Евграфу Ив. состояние, которое в газетах называли «громадным, колоссальным». Оно оценивалось в не-

сколько миллионов рублей (приводилась и конкретная цифра – четыре с лишним миллиона рублей).

Евграф Иванович Королев скончался 25 августа 1900 г. на своей даче близ Томска в возрасте 77 лет. Похороны его были многолюдными «Вся процессия затянулась чуть ли не на версту», – писала газета «Сибирский вестник». Состояние Е.И. Королева унаследовали его вторая жена Анна Константиновна и несовершеннолетний сын Николай (род. 1889). В некоторых документах упоминается еще и удочеренная Валентина.

Анна продолжила некоторые предприятия мужа. О сыне современники вспоминали как о веселом человеке, который с удовольствием прожигал отцовские деньги. Но судьбы наследников после 1917 года неизвестны. В 1993 г. в Томске на территории бывшего Вознесенского кладбища, где располагается ныне ПО «Сибкабель», был обнаружен разрушенный могильный памятник, стоявший когда-то над склепом семьи Королевых. Надписи на трех сторонах памятника свидетельствуют о том, что в нем были погребены сам Евграф, его первая жена Евпраксия Семеновна и их сын Ювеналий, умерший в 5-летнем возрасте.

Этот памятник был перевезен в ограду Свято-Троицкой церкви г. Томска.

Ныне он, да еще портрет из Томского краеведческого музея, напоминают жителям Томска о Евграфе Ивановиче Королеве, человеке огромных предпринимательских способностей, ярком, известном и неоднозначном.

Статья написана по материалам монографии В.П. Бойко «Томское купечество конца XVIII – XIX веков». Томск, 1996. Выражаю благодарность П.И. Рачковскому, предоставившему мне возможность ознакомиться с названным трудом.

Ростовские огородники в Риге

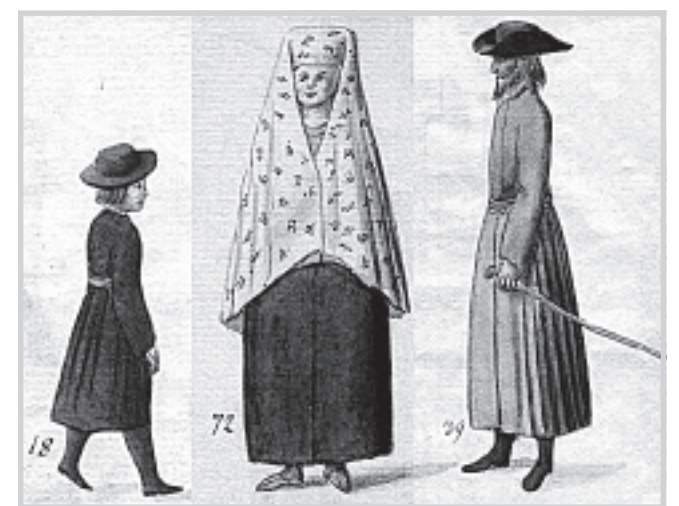
• **Александр Морозов**

Издавна крестьяне нечерноземной полосы России пытались найти дополнительные источники существования. В России наиболее широкое распространение получили два вида крестьянских промыслов: домашние или местные, и отхожие.

В XVIII–XIX в. ростовские крестьяне «...ежегодно отправляются на чужую сторону, преимущественно в Петербург, менее Москву, затем в Ригу, Ревель, Або, Гельсингфорс и другие места Финляндии, в Псковскую губернию, где славятся как искусные огородники и садовники...».

В XVIII в. Ригу, а частично и Митаву (Елгаву) успешно снабжали овощами предпринимчивые российские оброчные крестьяне, приходившие сюда ранней весной и арендовавшие земельные участки. В своей книге о Риге ученый и писатель Оттон Гунн писал: «Русские огородники нанимают здесь огороды и пустые места около города, обрабатывают оные с великой рачительностью, заводят парники и теплицы». Рижский

или рисовал пером на тонированной водяными красками бумаге. По прошествии десятилетия комментарии Броце к своим зарисовкам превратились в не всегда совершенные, но трогательные работы – уникальные исторические документы. Рисунки и их описания собраны в главном труде И. Броце «Sammlung verschiedener Lieflandischer Monumente...», состоящем из 10 томов в кожаных переплетках (3246 страниц, формат страниц 33 см x 21 см). На рисунках – русская девушка, торгующая лимонами, русский мальчик – огородник, торгующий овощами, одетый в русскую рубашку с короткими рукавами (ил. 1.), русский торговец свечами и мылом, образцы которых завернуты в платок (ил. 2.), облаченный в кафтан русский торговец овощей (ил. 3.). Другой комплекс рисунков рассказывает нам о сыне русского торговца, одетом в кафтан, похожий на поддевку (ил. 4.), жене русского торговца из Риги (под пестрой тканой шалью – корсаж без рукавов или душегрейка (ил. 5.)), а также русском торговце в длинном кафтане и шляпе (ил. 6.).

магистрат был доволен: овощей выращивалось так много, что часть капусты, к примеру, экспортировалась за границу – в независимое от Российской империи герцогство Курляндское.

Рапорт бурмистра с. Поречья Ивана Ивановича Маринина Меньшова от 22 июля 1778 г. иллюстрирует масштабы отхода: из 846 ревизских душ в отходе по паспортам, в 8 городах, числилась 320, в том числе в Петербурге – 221, Москве – 73. В целом: 39% мужского населения. В том числе в Риге – 13 человек. В рапорте отходники записаны по именам и фамилиям. В Риге находились Петр, Василий и Дмитрий Дмитриевичи Курмановы, Никита Семенович Козлов и Никита Федорович Серафимов, Михайло и Андрей Степановичи Коркуновы, Абрам Николаевичи Пыхов и Яков Федорович Карповский, Иван, Егор и Семен Никитичи Ковалевы, Матвей Иванович Постников. В последующих рапортах в Риге также упомянуты Яков и Матвей Никитичи Лалины, Иван и Афанасий Васильевичи Зубовы.

Бътописатель конца XVIII в. Иоганн Бротце оставил не только словесные портреты русских в Риге, но и зарисовал их. Его наследие хранится в Латвийской Академической библиотеке. Рисунки Броце выполнял тушью, акварелью

В 1826 г. немецкий ученый Иоганн Герман Цигра на заседании рижского литературно-практического общества сделал специальный доклад о необычных достижениях русских огородников. Докладчик сообщил: «С давних пор русские огородники снабжают нас спаржею, дынями и огурцами из парников, расположенных в арендуемых ими в городе и окрестностях его огородах. Они же снабжают нас различными южными фруктами и овощами в таком количестве, по такой ничтожной цене и в такое необычное время, что за границей этому бы не поверили!».

Докладчик перечислил овощи и фрукты, поставляемые русскими: в парниках выращивались дыни, арбузы, русские и голландские огурцы, шпинат, салат, морковь, петрушка, редис, турецкие бобы, лук, цветная капуста. Выращенная в Риге дыня стоила дешевле, чем, к примеру, с риском для жизни доставленная купцом из далекого Бухарского ханства. Огородники делали хорошие деньги не из-за высокой цены на свой товар, а из-за количества продаваемой продукции. Ежегодно под дыни они отводили 300 парников, под арбузы – 30, под русские огурцы – 450, голландские – 100.

Окончание - в следующем выпуске.

Еще раз о представителях фамилии Рахмановых в Ростове

• **Зинаида Краузе**

«Пути Господни неисповедимы»... Зато путь каждого человека на земле наверняка где-то прописан! Вот и любимые мои многочисленные потомки Матюшки Рахманова, проживавшего во Всехсвятской десятой в 1678 году, прошагали по нашей ростовской земле, выполняя высокую волю Господа. Каждый Рахманов прошел своею дорогой, сколько ему было положено, и в иной мир отправился, когда велено было... Купцы, мельчане, крестьяне, дворовые, церковные – во всех сословиях можно было в XVIII–XIX вв. найти в Ростове Рахмановых.

Не ставя перед собой задачу составления генеалогического древа фамилии, я просто хотела отыскать среди представителей этого рода необычные судьбы, неординарные поступки и рассказать о них. И вот, путешествуя по бескрайнему морю архивных документов, я нашла одну папку в более чем сто листов, исписанных самыми разными почерками на гербовой и простой бумаге. «Дело о выкупе родовой земли у мещанской девятики Ирины Михайловны в 35 квартале наследниками московского купца Ивана Семеновича Рахманова». История, которая вырисовывалась из этого дела, показалась

мне интересной.

Некий московский купец Иван Семенович Рахманов, выходец из нашего славного города и, может быть, сын Семена Рахманова, что во времена Екатерины Великой имел в Ростове книжную торговлю, узнал о том, что его двоюродная племянница продала в этом городе родовую землю Рахмановых за 70 рублей серебром. И вот через год после совершения акта продажи этой самой земли Иван Семенович пишет прошение в Ростовский городской магистрат с просьбой разрешить ему эту землю перекупить согласно «10 тома Своду законов Гражданских 1133 и 1134 статьи, издания 1842 года» (право преимущественного выкупа). И сразу вместе с письмом высылает деньги на депозит в сумме 81 рубль серебром, учитывая затраты на оформление документов. «Надо же, – подумала я, – как человек переживает за родовую землю. Давно живет в Москве в собственном доме, имеет четырех взрослых сыновей, казалось бы, какое ему дело до кусочка пустопорожней земли в Ростове! А он беспокоится!».

Но следующий документ меня озадачил. Иван Семенович пишет письмо ростовцу Михаилу Алексеевичу Кекину, в котором

просит его взять на себя хлопоты об этом деле, а при получении купчей крепости «оную землю продать кому вы за полезное и выгодное найдете». Спрашивается: зачем московскому купцу, который, по всей видимости, уже давно не живет в Ростове, затевать дело, обременять приятеля, и тут же эту землю продавать, не сильно заботясь о цене, об издержках и т.д. На этот вопрос ответа я не нашла, хотя внимательно (насколько это возможно, ведь и почерки, и время не способствуют увлекательному чтению в Ростовский городской магистрат) изучала все документы, вложенные в эту папку. И вообще, эта история мне вдруг напомнила стихотворение Н.А. Некрасова «Забывать деревья».

Написал купец Рахманов «Прошение» в магистрат, затем, может быть, и сам забыл про него, потом вообще умер. А чиновничья машина стала медленно, но верно раскручиваться. Четыре года ходили разные бумаги по инстанциям. Были взяты объяснительные с продавшей землю Пелагеев Овчинниковой и купившей оную Михайловной. Овчинникова сообщила, что на момент продажи «не было других наследников», а вот Ирина Михайловна написала весьма интересную бумагу! За те два года, что она владела этой землей, она истратила на нее две тысячи серебром!

И забор там поставила, и трубу для отвода воды, и яблони посадила, и кустарники всякие. А денег заняла у купца Бабурина, на что и документы имеются.

Но Иван Семенович уже про это не узнал, так как «по воле Господа помер». Зато теперь в свету эту должны были вступить его сыновья. И опять поползли бумаги из Ростова в Москву, Петербург и обратно. Три сына дружно отказались от отцовского наследства и, соответственно, не имели права продолжать это запутанное дело о земле. А четвертый сын, Иван Иванович Рахманов, надворный советник, служивший в Министерстве иностранных дел в Петербурге, соглашался прекратить дело, но с условием, что Ирина Михайловна оплатит все издержки, какие имелись по данному делу в разных инстанциях трех городов.

Пока в Ростове получили сию бумагу, умерла Ирина Михайловна, а наследник ее, известный своей предпримчивостью Иван Михайлович Шугоркин, денег на ветер не бросал.

Вот и получилось, как у Некрасова: «Умерла Ненила на чужой землице, У соседа-плута – урожай сторицей!» Земля же рахмановская давно застроена. Не их потомками...

Красавинские изразцы – угасший промысел

• **Любовь Мельник**

По настоящее время в избах ростовских сел и деревень можно увидеть печки, облицованные изразцами – белыми с нехитрым рисунком: синий ромбик, в центре его – цветок. Скромный рисунок – а печка выглядит нарядно, от нее светлеет весь дом. Иные из хозяев называют эти изразцы «красавинскими» – и не могут объяснить это название.

Прояснить это понятие, установить историю кустарного производства удалось в результате разысканий в РФ ГАЯО.

Возникло производство в деревне Сытино Ростовского уезда, входившей в пределы Вожажниковской вотчины графов Шереметевых, скорее всего, в середине XIX в., по трем причинам. Во-первых, конечно, имелись рядом с деревней залежи подходящей для изразцов глины. Во-вторых, волестью была богата лесом – значит, имелось в достатке топливо для обжига глиняных изделий. В-третьих, шереметевские крестьяне здесь уже в 1796 г. были переведены с барщины на оброк – что поощряло их искать возможность

дополнительных к земледелию (вообще здесь малодоходному) заработков, которые и получались, например, от кустарных промыслов. По местному преданию, основал в деревне Сытино изразчатый промысел еще в первой половине XIX в. выходец из другого уезда губернии – где традиционно выделяли глиняную посуду. Здешние глины для посуды не подошли – но сгодились для изразцов.

Выяснилось, что работал изразчатый заводик несколько месяцев в год, зимой – в свободное от земледельца время. Вырабатывал изразцы двух видов – «белые» (4,5–5 тысяч штук в год, по 2 руб. 50 коп. за сотню) и «желтые» (2 тысячи в год, по 1 руб. 50 коп. за сотню).

Выручка в год составляла 138–155 руб. Глина и песок были местные, сурик, хрусталь, краски закупали в Ярославле и Ростове. Сбыт продукция имела в двух уездах – Ростовском и Утлицком.

Заводик был небольшой: бревенчатое сооружение, крытое дражкой, с огромной печью для сушки и обжига изразцов. Имелась, кроме того, ветряная мельница для размла красок. Кроме хозяев – братьев Красавиных,

в начале XX в. работали на заводе наемные рабочие – два человека.

Перевы в деятельности завода случился в 1918–1921 гг. – разруха, гражданская война лишили изразчатников и материалов, и рынка сбыта.

Среди документов, найденных в Ростовском филиале ГАЯО, самым замечательным оказался «Дневник исследовательско-музейных работ» 1928 г., составленный в ходе сбора экспонатов для музея, открывавшегося в Борисовском слободах. Оказалось, что именно в этом году самым изразчатником были отобраны для музея экспонаты – сами изразцы на разных этапах производства, от заготовок до готового изделия, инструменты и станки для изготовления «кафель».

Последний архивный документ о заводе Красавиных относится к 1931 г. «Опросный лист по обследованию кустарной промышленности» свидетельствовал: изразчатники в это время работали с меньшим размахом, чем до революции. Нет уже специальной мастерской, выделка изразцов идет в приспособленном подклете жилого дома. Необходимые материалы при-

ходит доставать не на местной ярмарке, а чуть не за тридевять земель – в Москве. Хозяин, вместе с сыном-подростком и одним наемным рабочим, – делал в день 100–120 штук изразцов, в год получалось 8–10 тысяч штук. Себестоимость сотни изразцов мастер определял в 13–14 руб., продажная цена была 17–18 руб. Рынок сбыта ограничивался уже пределами своего уезда.

Конец изразцовому заводу Красавиных, видимо, пришел в том же 1931 г. – именно в этот год был репрессирован владелец мастерской. Его братья разделили ту же участь в 1933 г. Это уже – сведения из списков реабилитированных, такие списки публиковались в местной печати в конце XX в.

Сейчас промысел в той деревне, конечно, не существует. В окрестностях остались ямы, про которые немногие местные жители объясняют любопытствующим – мол, глину там рыли когда-то. Памятником же погибшему промыслу и мастеровитым крестьянам остались облицованные изразцами печки и лежанки в деревенских избах.